Разрушение.

Тот самый лик смерти, которым «они» повелевали.

«Они» являлись рабами разрушительного желания, не дающего им ни секунды покоя, и противоречие было частью их бытия: в поиске освобождения они будут сеять разрушение, раз за разом повторяя этот замкнутый круг.

«Они» — те, кто однажды были носителем цифры «6».

Гриммджоу Джагерджак.

Люппи Антенор.

На первый взгляд, личности этих двоих были совершенно не похожи друг на друга, но внутри обоих, словно потоки магмы, затаенной в земных недрах, кипели эмоции, и это роднило их.

Когда Люппи занял место «Сексты», сменив Гриммджоу, допустившего досадный промах, «Октава» Эспады изрек следующее:

«— Я считаю, что вы с Гриммджоу олицетворяете одинаковые аспекты смерти. Вот почему на смену ему, среди других кандидатов, Дордони, к примеру, или Чируччи, выбрали тебя.

Знаешь, только не говори, что не понимаешь, о чем я. Ты единственный, кто может быть как-то связан с этим нечто, принявшим форму разрушения. Если сказать, что дыра, оставшаяся внутри нас, пустых, — это то, чего нам не хватает, тогда ты, нет, вы двое, можете заполнить эту дыру только посредством разрушения.

И то, что ты глубоко в твоем сердце питаешь отвращение к Гриммджоу, — это просто та же самая ненависть.

Что ж, сейчас именно ты полноправный Секста. Относись к нему с состраданием.

Ну, а если ты все-таки случайно убьешь его, тогда я найду хорошее применение его мертвому телу. Так что ты со спокойной душой можешь следовать своим желаниям.

В конце концов, пока ты носишь на себе этот номер 6, ты всегда будешь на той стороне, которая обеспечит тебя «разрушением»».

Руконгай

Теперь, когда Айзен покинул Уэко Мундо, и значимость цифр Эспады стерлась, — единственное, что у «них» осталось, — это аспект смерти, известный как «разрушение».

— Ха-ха-ха! Ты понимаешь, что я никому не позволю стоять у меня на пути? Поэтому я тебя уничтожу, восемь против одного!

Размахивая своими восемью искромсанными щупальцами, Люппи сыпал брызгами своей крови,обрушив на Гриммджоу серию ударов.

Благодаря своему ресуррексиону обретший чем-то напоминающую звериную форму Гриммджоу, используя лишь когти обеих рук, а также свой собственный серо, продолжал отбивать нескончаемый поток нападений, сопровождающийся физическими атаками, режущими ударами и даже случайным серо.

— Тц… такая мелочь даже не сможет меня поцарапать, думаю, меня даже не порадует твое убийство.

— Если так, то почему бы тебе не сделать мне одолжение и упасть замертво, если тебе так скучно?

Тогда Люппи вскинул четыре своих щупальца, окружая Гриммджоу ими сверху, снизу, слева и справа, а из оставшихся четырех он выпустил серо, смешанное с его собственной кровью.

В противовес этому, Гриммджоу отважно бросился вперед и проскользнул в просвет между щупальцами.

— Однако у меня есть причина прибить тебя, сволочь.

С помощью своих когтей срезав серо, выпущенное из оставшихся четырех щупалец, Гриммджоу подошел к Люппи.

— …Гасп!

— Любой идиот, который посмотрит на меня с насмешкой, плевать я хотел, кто это будет, я все дерьмо из него выбью!

И тогда он попытался вонзить свои отточенные когти занпакто в грудь Люппи, как он уже делал в прошлом.

— …Попался.

С бесстрашной улыбкой Люппи, который, ни секунды не колеблясь, двинулся ему навстречу и нарочно позволил когтям разорвать свою грудь.

— !

— Выбьешь дерьмо из того, кто смеется над тобой, а? О боги, какое совпадение.

Люппи не просто компенсировал атаку, которая была нацелена на его жизненно важные органы, он, скорее, как какое-то насекомоядное растение, пожирающее свою жертву, обернул вокруг себя и Гриммджоу свои восемь щупалец.

— Я собираюсь сделать то же самое, Гриммджоу.

Движением, которое подвергало опасности его собственное тело, Люппи выпустил залп серо в Гриммджоу.

— …Да как будто я тебе позволю!

В то же время Гриммджоу резко втянул в себя воздух и выпустил взрывную волну с ревом, полным реацу, и более того, из его доспеха на свободной руке появились изогнутые когти, впитавшие в себя большое количество реацу, — Гарра де ля Пантера.

Атаки обеих сторон встретились, взрывное пламя и брызги крови покрыли окрестности вокруг воюющей пары арранкаров.

— Они наверняка перевернут все верх дном. Блин, битвы между товарищами-пустыми могут быть переполнены дикостью, хах, — пробормотал Гинджоу, который тайно наблюдал за ходом

битвы. Взрывная волна подняла клубы пыли и скрыла поле боя.

Цукишима, стоящий чуть позади, задал ему вопрос-утверждение:

— Я полагаю, Гинджоу бывает сам, как правило, весьма безрассуден?

— Не говори чепухи. Я же всегда ставлю безопасность на первое место?

— Как скажешь… Кроме того, это вопрос времени, когда они доберутся до нас.

— …Ага. Что ж, а когда это случится, не известно, что может произойти.

Даже хотя Гинджоу не спускал глаз с битвы товарищей-арранков, какая-то часть его сознания по-прежнему хранила бдительность в отношении шинигами, который приближался к этому месту, а также по отношению к ощущению присутствия того, кто, похоже, присоединился к нему.

— Пришло время вернуться к вопросу о том, собираемся ли мы отступить на какое-то время… Даже если воспользуемся замешательством, мы можем попасть под перекрестный огонь из-за беспечности, вполне вероятно, что нас убьют в мгновение ока.

— …Тц. То движение только что… ты, правда, думал, что это сработает на мне.

То, что появилось в поле видимости после того, как облака пыли улеглись, это Люппи, щупальца которого были изодраны даже сильнее, чем прежде; кровь потекла у него изо рта, когда выдал кривую улыбочку. Хотя в тоне Гриммджоу не было и намека на смятение, все его тело было также изранено.

— Это моя реплика, твоя стойкость — это кормушка для для меня. В любом случае, все закончится здесь.

Затем Гриммджоу цокнул языком и расплылся в широкой улыбке, в тот же миг он начал собирать реацу в когтях обеих рук, чтобы нанести последний удар.

Однако…

— …Тц. То движение только что… ты, правда, думал, что это сработает на мне.

— ……?»

— …Тц. То движение только что… ты, правда, думал, что это сработает на мне.

— Эй, придурок, ты головой тронулся или что? Что ты несешь?.. — озадаченный Гриммджоу задал вопрос Люппи, который повторял одни и те же слова, но тут…

— …?!

Принимая во внимание тот факт, что его реацу, которая должна была быть уже сконцентрирована в его когтях, а на деле начала собираться заново, Гриммджоу пребывал в заблуждении, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— То движение только что, ты, правда, думал, что это сработает на мне.

— ты, правда, думал, что это сработает на мне.

— думал, что это сработает на мне.

— на мне.

— мне

— мне

— …

— …

Когда он услышал слова Люппи, которые повторялись из раза в раз, его охватило чувство, что все нервы в его теле оказались парализованы…

— Ох, прости. Я не упоминал об этом? Брызги моей крови, в которой ты весь вымок, были наполнены особым ядом, — отвечая Гриммджоу, внезапно рухнувшему на колени, Люппи улыбнулся со смесью невинности и безразличия.

— Я и сам не очень хорошо понимаю механизм, но, если судить по прошлому опыту, возможно, твое сознание просто повторяет один и тот же момент времени снова и снова? Очевидно, это довольно жуткий яд, который в конечном итоге парализует все тело.

Пошатываясь из-за травм, Люппи шаг за шагом приближался к Гриммджоу. Он знал, что стараниями Куроцучи Маюри, яд был заложен в тело каждого из них. Более того, его эффективность была на самом деле доказана зомбифицированной Мацумото Рангику, которая билась против него.

Хотя для него это была отчасти игра в русскую рулетку: не зная, сработает ли яд на пустом, и делая ставку на весьма убедительное подозрение, что яд разрабатывался Куроцучи Маюри с расчетом на подобную ситуацию, он приспособил технику боя к намеренному покрытию врага своей кровью.

— А-ХА-ХА… хотя это совсем не похоже на меня, использование подобного метода — это…

Намереваясь посмеяться над самим собой, предпринявшим цепочку действий, которая привела к честному поражению Гриммджоу, Люппи уставился на второго арранкара сверху вниз.

— Ну, думаю, это потому что ты смог сделать это, ты заставил меня почувствовать себя по-настоящему живым впервые за долгое время… Я очень благодарен тебе за это, Гриммджоу… Хотя я все еще собираюсь тебя убить.

Затем Люппи, направив реацу во все свои восемь щупалец, приготовился выстрелить Гран Рей Серо.

Однако в это мгновение произошло нечто неожиданное.

Гриммджоу, который должен был пасть жертвой полного паралича, начал медленно подниматься со своего места.

— Что за?..

— Тц… Ты действительно смог меня сцапать, неплохо, хах… Люппи!

— Проклятье… почему?! Как ты мог подняться?! Это же тот самый яд, против которого были беспомощны даже шинигами ранга капитана?!

Город Каракура. Каракура-Хончо

— Хм. Этот арранкар обладает сопротивляемостью? — словно обращаясь к самому себе, прошептал заинтересовавшийся этим делом Куроцучи Маюри, наблюдавший за разворачивающимися событиями издалека.

— Сопротивляемостью? К яду капитана? — прозвучало в коммуникаторе: Акон, оставшийся в НИИ, не удержался от вопроса, и Маюри начал свое объяснение с жалобы на Люппи.

— Боже ты мой, ну что за непредусмотрительный идиот. Без меня, устанавливающего определенную точку в прошлом, реактив не сможет работать в полную силу, говорю же.

Что ж, даже если не принимать во внимание этот факт, я также вживил множество других разновидностей паралитических ядов, — словно найдя в этом случае еще больше очарования, Маюри внимательно изучил данные реацу Гримджоу, бормоча себе под нос:

— По-видимому, ему довелось испытать на себе какой-то особый вид яда и при этом выжить. Интересно, что это было за токсичное вещество? Действительно, очень интригующе.

Однажды Гриммджоу уже получил свою порцию смертельного яда от квинси, известного как Накк ле Вар, и благодаря подобному опыту развил сильную сопротивляемость к ядам, хотя сам он даже и не подозревал об этом.

По правде говоря, если бы Маюри был рядом, то, вероятно, он бы немедленно «адаптировал» активное вещество, тем самым сводя на нет толерантность Гриммджоу, однако сейчас яд, выпущенный Люппи, не смог отключить все жизненно важные функции организма арранкара, и потому-то Гриммджоу все еще стоял на своих двоих.

— Ну, и хитрую ты штуку провернул, а? Плевать. Если такая сволочь, как ты, хочет меня прибить, то тебе бы лучше использовать все свои фокусы, что ты припас для меня.

Не то, чтобы яд не подействовал совсем: физическое состояние Гриммджоу приближалось к критической отметке, но тем не менее, он сверкнул свирепой улыбкой. Его аппетит к битве продолжал расти.

— Потому что я собираюсь сокрушить их за один присест, разбивая их вместе с твоей самодовольной рожей.

Глядя на одичавший вид соперника, Люппи, ранее раздраженный тем, что противник поднялся, напротив, восстановил самообладание.

— Ах, конечно, такие штуки, как яды, не в моем характере. Я не Заельапорро.

Размахивая своими восемью искромсанными щупальцами, он начал снова собирать свою реацу, чтобы высвободить Гран рей серо.

— Я согласен, Гриммджоу. Нападай.

С дьявольской улыбкой на лице, напоминающей улыбку его оппонента, Люппи поведал Гриммджоу о собственном намерении убивать своей грубой манерой речи, которая была для

него совершенно нехарактерна.

— Тебе все еще… не по зубам порвать меня, как и прежде!

Октет Гран рей серо.

Чувствуя, что неизвестная ему атака неизбежна, Гриммджоу также попытался занять своего противника с помощью техники, которая могла бы противопоставлена близившемуся нечто.

Десгаррон.

Гриммджоу уплотнил реацу на кончиках своих пальцев. Ее плотность была выше, чем даже для Гран рей серо. Принимая форму огромных заостренных когтей, его когтищи разрастались, возвышаясь, словно башни, по обеим сторонам его тела.

Еще не было ясно, какая из сторон окажется более грозной, но не оставалось никаких сомнений в том, что в любом случае все вокруг порвут на мелкие кусочки отголоски реацу.

— Ох, дерьмо, это не хорошо. Отступаем.

— Какого черта происходит?! Они и нас собой решили прихватить на тот свет?!

Гинджоу и Кэндис синхронно завопили, и каждый со своими союзниками рванул куда подальше от двух арранкаров, как вдруг…

«Тот», чье приближение ранее ощущалось, все-таки достиг цели своего полета. «Оно» метнулось между Гриммджоу и Люппи, и реацу на месте происшествия мгновенно погрузилась в хаос.

— ?!

— !

Из-за того, что их концентрация была нарушена переменами в реацу, Люппи и Гриммжоу временно приостановили воплощение своих приемов в жизнь.

— Ты еще кто, черт возьми?.. — этот вопрос задал Люппи, по-прежнему не снижая плотность реацу, собранной им для Гран рей серо. «Странная масса реацу», ворвавшаяся в их битву и стоявшая сейчас перед ним, заговорила.

— Ау-ау-ау-ау… как я и думал, я не очень хорош в приземлении, хах… — пробормотав это и совершенно проигнорировав давящую атмосферу, «оно» представилось, сверкая беззлобной улыбкой в сторону Люппи. — О, точно! Я Убугину Хиконе! Токинада-сама наказал мне… э… я пришел повидать Гриммджоу-сан.

После беззаботного заявления Хиконе Люппи с недоумением уставился на Гриммджоу:

— Уум… этот ребенок — что-то вроде твоего подкрепления или как?

— Вообще нет. — Категорично отрезал Гриммджоу и пристально посмотрел на Хиконе. — ...То есть я лично не помню, чтобы я тогда представлялся. Откуда ты, черт побери, знаешь мое имя?

— Верно! Токинада-сама любезно проинформировал меня! Вы шестой эспада, верно?

Услышав это, Люппи чуть прищурился.

Между тем, как бы указывая на то, что его больше не волнует ни эспада, ни шестой номер, Гриммджоу среагировал на имя, которое затесалось между другими словами.

— Токинада, да? Ты этого хрена и раньше упоминал. Так вашего босса-шинигами зовут?

Внезапно позади Гриммджоу раздался еще один голос.

— Ты все не так понял, идиот. Он большая шишка, это да. Но вне всяких сомнений наш лидер — это Кёраку-сан.

— Ты тот проклятый…

Это был светловолосый синигами в капитанском хаори, накинутом на стандартное шихакушо.

Хотя его прическа и одежды отличались, Гриммджоу сразу же понял, кто к ним пожаловал.

— Эту реацу… я помню. Ты тот ублюдок, который сунул свой нос в наш смертельный поединок с Куросаки в Мире Людей.

— Ты, должно быть, обознался.

— Это что такая шутка? И все же кто ты, черт, такой? Охранник этого паршивца или?..

— Я думал, я уже говорил тебе… «Какая тебе разница?»… не так ли?

— Так ты все-таки тот самый гад, а?

Гриммджоу, услышав ту же самую реплику из прошлого, щелкнул языком и со злобной улыбочкой изрек.

— Ха! Подумать только, все парни, которых я хотел отметелить, сами охотно идут ко мне друг за другом! Теперь осталось только этому придурку Куросаки заявиться, и все будет вообще замечательно!

Однако Хиконе быстренько разбил его надежды.

— Куросаки Ичиго-сан не придет.

— Чего так?

Даже не реагируя на враждебность Гриммджоу, пронизывающего его взглядом, полным ненависти, Хиконе невозмутимо продолжил:

— Потому что Куросаки Ичиго-сан должен быть очень занят в Мире Людей прямо сейчас! Очевидно, он вступает в борьбу, рискуя собственной жизнью ради своих сестер! Разве это не потрясающе?! Я очень его за это уважаю!

В этот миг блондин-шинигами воскликнул в недоумении:

— Так, так, так, притормози, крысеныш. Откуда такая уверенность в этом? Что происходит с Ичиго?

Но прежде чем Хиконе успел ответить, Гриммджоу начал действовать.

Он запустил серо по всем направлениям: в светловолосого шинигами — с левой стороны от него, а также и в Хиконе с Люппи — с правой.

— Почти попал! Что за дела?! Твой противник вообще-то — вон то чертово колесо, сбежавшее из парка развлечений!

На жалобы шинигами, едва увернувшегося от атаки, Гриммджоу усмехнулся, обнажая клыки.

— Не тупи. Я все равно всех вас прибить собирался. У кого-то есть возражения?

— Ты только что назвал меня чертовым колесом?..

Люппи, который проворно поставил защиту из щупалец против серо, устремил свой красноречивый взгляд на шинигами и Гриммджоу, но тут он заметил присутствие Хиконе, стоящего между ними.

«Хм? Этот ребенок даже не попытался увернуться, и все же, как так вышло, что он цел и невредим?»

В этот момент по спине Люппи пробежал тревожный холодок.

И не у него одного.

Ладони Гриммджоу, блондина-шинигами, а также квинси и подчинителей, молча наблюдающих за ситуацией издалека, покрылись капельками пота, после того, как они ощутили это громадное давление.

— Эй, эта малявка… серьезно, что, черт возьми, это такое?

Светловолосый шинигами покачал головой, отвечая на вопрос Гриммджоу:

— Даже если бы я знал, я бы не сказал тебе… хотя, честно, я и сам хотел бы знать.

Перед их глазами предстало занпакто.

Меч, который обнажил Хиконе, отличался необычайным цветом. Он не просто излучал белизну своим клинком, а выглядел так, как будто белый свет наполняет его изнутри,

Он был не похож на «Соде но Шираюки» — полностью белый меч от клинка до рукояти; глядя на эту «белизну», окутанную зловещей аурой, шинигами и квинси ощущали какой-то первобытный страх, в то время, как арранкары и подчинители чувствовали некое первоначальное духовное родство.

— Это ощущение… это пустой, не так ли?

С губ Люппи невольно сорвался вопрос, предназначавшийся его врагам. С некоторым раздражением Гриммджоу ответил:

— Ошибки быть не может. Занпакто мальца как у нас. Оно даже открыло чертову гарганту в прошлый раз.

— Хиконе, да… Твое занпакто, что оно такое?

«Хорошо, если это был обман зрения. Но пару минут назад разве не это занпакто поглотило серо?»

Существовало несколько доселе известных занпакто, способных поглощать атаки, в основе которых лежала рейши. Например, «Аразоме Шигуре». Однако занпакто, открывшееся им сейчас, оказалось совсем из другого разгряда. Через рейкаку Хирако ощутил, как реацу самого меча глотало рейши серо так, словно некое существо во плоти потягивает воду из водоема.

Услышав вопрос шинигами, Хиконе с радостной улыбкой на лице начал свою наивную болтовню.

— О, почему бы мне не представить его и Хирако-сан! Его дал мне Токинада-сама, это мой занпакто!

— Дал, говоришь.

Пока Хирако ломал голову над тем, как вести разговор дальше, из рук Хиконе раздался голос, разнесшийся по округе и вызвавший у шинигами еще большее недоумение.

— …Как прискорбно.

— Хм?

— Я бы никогда не подумал, что реацу моих собратьев, сломавших свои маски, будет лишь на таком уровне.

Это… замечание, предназначавшееся Люппи и Гриммджоу, было брошено самим занпакто.

— Интересно, что сейчас делает Барагган? Его как и меня запечатали?

Всего мгновение Хирако рассматривал возможные перемены в голосе Хиконе, но затем сразу же отверг эту идею. Потому что реацу смешалась в самом этом голосе, вызывающем колебания в атмосфере, и внутри нее ощущалась ярко выраженная природа пустого.

— Что это, черт возьми, за занпакто?! Он материализован или что?!

— Замолкни, шинигами. Я не занпакто. Я… Я…

Голос занпакто, который пытался назвать свое имя, оборвался, и произошло переключение на голос, полный глубокой обиды.

— Взрыв… эти жалкие шинигами, они… к моему имени…

— …Ради всего святого? Меч в одно лицо ломает комедию, а мне даже не смешно от того, насколько это жутко.

В стороне от ошеломленного Хирако, Гриммджоу и Люппи закричали в знак протеста.

— Что предлагает этот болван?

— Без разницы, можно я посчитаю это за наше приглашение на бой с ним?

Кровожадность пары переключилась на занпакто, которое, похоже, еще недавно издевалось над ними, — или, скорее, над сущностью пустых.

— О-оу! Мои извинения! Этот заговорил совсем недавно, но боюсь, он остер на язык!..

— Хиконе кротко поклонился в знак извинения, но вскоре ребенок произнес странную фразу, от которой его лицо просветлело. — Однако, если вы обижены, то я с радостью сражусь с вами, используя все свои силы!

— Что?

— Поскольку на этот раз я покажу вам, что ваши сердца могут сдаться, я заставлю вас признать меня королем! Пожалуйста, отдайтесь предвкушению! Я буду стараться изо всех сил!

После наивных провокационных речей Убугину Хиконэ произнес вслух слова, которые предназначались для высвобождения занпакто, или, скорее, для высвобождения нечто, напоминающего занпакто.

— Побывав [на их] похоронах, запомни [эти мгновения], Икомикидомое! 1

В тот же миг реацу, словно торнадо, рванула вперед, превращаясь в мрачную грань, которая в хаотичном порядке перемешала свет и тень и затемнила область рядом с Хиконе.

— ?!..

Однажды уже столкнувшись с Хиконе, именно Гриммджоу, единственный, заметил «аномалию».

«Какого черта творится? Команда высвобождения не такая как в прошлый раз…»

Командой высвобождения, услышанной им ранее, были слова «кружись вокруг звезд». То, что занпакто продемонстрировал на этот раз, — это способность, превратившая клинок в руку пустого, самостоятельно косящую всех врагов в округе.

Это была простая сила, но в то же время она отличалась особой жестокостью. В конце концов, оказалось, что несколько арранкаров класса Васто Лорде заставили меч отступить, с некоторым усилием преодолев его мощь.

Однако не только слова команды высвобождения отличались.

— Это только я или концентрация реацу тоже на совершенно ином уровне по сравнению с тем днем?!..

Ни подтвердив, ни опровергнув эти подозрения, торнадо из рейши рассеялся через несколько секунд…

Когда они подняли глаза на то, что появилось из его недр, все те, кому посчастливилось присутствовать во время этой сцены, потеряли дар речи.

— Черт, это еще что за?

Даже с того места, где расположилась группа Гинджоу, решив какое-то держаться на безопасном расстоянии, «это» было хорошо видно. Точнее лучше сказать, что «это» было весьма сложно пропустить.

Возможно, с точки зрения шинигами и арранкара, эта сцена имела привычный для них вид.

Поскольку если говорить о размере, то есть когда речь шла о такого рода масштабах, «оно» выходило за рамки нормальности — это было доказано еще в прошлом. Экземпляры подобного вида получили название фуллер — разновидность меноса гранде, характеризующаяся наличием одного единственного глаза. Или ярости, в случае одного из эспады — Ямми Льярго.

Однако, даже если принять во внимание это все, и если учесть тот факт, что «оно» может поддерживать плотность реацу, сравнимую с плотностью человекоподобного Васто Лорде, то можно сказать, что «это» абсолютно точно было аномальным существом.

Имея в своем распоряжении зрение и чувство близости реацу, это существо твердо ступило на землю Общества Душ, вдохнув последние сгустки торнадо. Это создание было больше, чем обычный менос гранде, и приняло ужасающе-прекрасную форму, напоминающую адьюкаса.

Более того, его оседлал тот самый одетый в шихакушо ребенок, который появился совсем недавно.

— Не похоже на огаму ниндзя… вероятно, такую зверюгу очень опасно держать в качестве питомца.

Квинси, тем временем, тоже не остались равнодушными к появлению столь странного создания.

— Та штука побольше будет, чем банкай того волчары, которого победила Бэмби, как думаешь?

— Не об этом переживать сейчас нужно… — поделилась своими подозрениями Менина, отвечая на реплику Кэндис, которая просто не могла поверить своим глазам.

— Ага, я в курсе. — Кэндис пробил холодный пот, пока она подбирала слова. — То мелкое отродье-шинигами на вершине… какого хрена, все смешалось с реацу этого парня?

— …Кажется, они заглотили наживку, с широкой улыбкой на лице пробормотал Куроцучи Маюри.

Затем через передатчик, прикрепленный к уху, ученый выдал набор инструкций для НаНаНа Наджакупа, которого он отделил от остальных и оставил в особом месте.

— Пришло твое время отыграть свою роль. С одним из твоих исключительных качеств ты должен быть в состоянии раскрыть состав их душ.

— «С одним из…» — говорите, разве это немного неуместно… Ну, хочу, чтобы вы знали, я выполнил то, о чем меня просили… Вашей целью с самого начала был этот странный ребенок с монстром, а не подчинители?

— Вполне естественно, что анализ подчинителей также входит в список моих целей. Собственно говоря, изучение этой «мешанины» было запланировано на более позднее время. Однако, я не ожидал, что на наживку так легко клюнут. Интересно, ситуация ли потребовала немедленного реагирования, или мне стоит думать, что их специально послали, даже зная, что это ловушка, — Маюри прищурился, усмешка закралась на его лицо, когда он произнес имя одного человека. — Если это последний вариант, то ты сильно недооценил меня… Тсунаяширо Токинада.

Где-то в Сейрейтее

На территории Сейрейтея на цокольном этаже расположился некий объект, скрытый от посторонних глаз и предназначенный исключительно для нужд аристократов.

В этом месте, которое стало центром сбора данных под непосредственным контролем Отдела визуальных технологий, накапливалась и хранилась информация о наблюдении за различными местами не только в Сейрейтее, но и по всему Миру Людей, и в последние годы даже за некоторыми частями Уэко Мундо.

В проходе между выходом на поверхность и тем самым подземным уровнем с вышеназыванным объектом, стоял человек, имя которого сорвалось с губ Куроцучи Маюри. Он с легкой наигранностью покачал головой, глядя на людей, мешающих ему двигаться дальше по коридору.

— Веселье должно было начаться с минуты на минуты. Я не ожидал, что в столь удачный момент вы потревожите меня.

Хотя Токинада говорил так, что казалось, он испытывает искреннее разочарование, восторженная улыбка, которую нельзя было сдержать, отразилась в его глазах.

— Итак? Ради всего святого, к чему это все? Полагаю, я как-то медленно соображаю… Мне хочется получить объяснение.

Перед ним стояла миниатюрная шинигами, одетая в капитанское хаори, а позади нее застыл отряд, не отличившийся разнообразием цветовой гаммы своих одежд. Будучи членами первой ветви Отряда тайных операций, известной как «Кейгун» (Карательное подразделение), все они носили черное.

— Тсунаяширо Токинада-сама. До нас дошли сведения о сговоре лиц, намеревающихся совершить ваше убийство. Пока мы не устраним данную угрозу, призываем вас вступить под нашу защиту.

— Ах, так вот оно что, неожиданно.

Пожав плечами, Токинада продолжил с возмущенной улыбкой:

— Закулисная игра — так вот, как Кёраку ведет дела, хах. Похоже, ему все еще не под силу заложить фундамент для того, чтобы стащить меня с поста главы клана. Осознав, что я его опередил, он послал вас, чтобы задержать меня?

— Со всем уважением, я не понимаю, что за подтекст кроется за вашими словами.

— Напротив, я думаю, вы прекрасно все понимаете, не так ли? Вы можете заканчивать так необдуманно сыпать пыль мне в глаза, 9-е поколение семьи Фон. Кроме того, знаете, это весьма очевидно, что вы фактически принуждаете себя использовать вежливую речь? Не кажется ли вам, что такое уважительное обращение не соответствует имиджу Отряда тайных операций?

— Должно быть, вы разыгрываете меня.

Хотя слова Токинады были провокацией, выражение лица Сой-Фон осталось неизменным.

Возможно, это разожгло у него еще больший интерес; человек, который был главой четырех великих аристократических кланов, продолжил играть с менее знатной представительницей

дворянского рода наемных убийц.

— Двое из твоих старших братьев погибли, выполняя поручения для моего клана Тсунаяширо, не так ли? Ну, на данном этапе можно сказать, что их смерть была напрасной, но приятно осознавать, что, по крайней мере, они выполнили свои обязанности в качестве жертвенных пешек.

— … Какие любезные слова, я смиренно приму их, — полностью, подавив те мысли, что крутились у нее в голове, на автомате ответила Сой-Фон.

При взгляде на нее Токинада еще сильнее скривил губы и поджег фитилек той самой «взрывоопасной смеси», предназначавшейся ей.

— Разве я только что не говорил, что не нужно этих поддельных вежливых фраз? Единственные, кому вы отдаете дань уважения, — это клан Шихоин. В частности, той беглой преступнице Йоруичи, которая уже не является главой клана, не так ли?

— …

Сой-Фон встретила этот укол с каменным лицом.

Однако Токинада, почувствовав легкую дрожь в ее реацу, не сдавался, посыпая солью ее раны.

— Ах, понимаю, точно! Если бы я выбрал Йоруичи себе в жены, тогда, интересно, получил ли бы я от вас больше искреннего уважения, как член ее семьи? Мы оба аристократы из четырех великих благородных кланов, вам не кажется, что мы друг другу подходим? Я, ненароком убивший свою собственную жену, и она, которую Урахара Киске подтолкнул к непреднамеренному предательству Общества Душ. Действительно, как тут не думать, что это союз, предначертанный небесами?

Резким щелчком звук чего-то ломающегося разлетелся по всему ее телу.

Реацу Сой-Фон начала колебаться, члены Карательное подразделения, стоявшие у нее за спиной, готовились в случае чего сдержать своего капитана, оставшегося внешне таким же бесстрастным, как и раньше, и в этот самый момент — голос, принадлежащий предмету их разговора, эхом пронесся по коридору.

— Я и не думала, что ты захочешь жениться на мне, только чтобы позлить Сой-Фон. Похоже, ты действительно плохого обо мне мнения.

— !

Когда Сой-Фон с неподдельным энтузиазмом заглянула через плечо, позади нее оказалась фигура Шихоин Йоруичи в черном одеянии.

— Йоруичи-сама!

— Боже, вам довелось услышать мои постыдные речи.

Отвечая Токинаде, чье поведение не говорило ни о каком малейшем стыде, Йоруичи твердо произнесла:

— Даже если, (навряд ли, конечно), я действительно получу предложение такого рода, я не выношу все эти формальности, поэтому давайте-ка я скажу вам заранее. С таким же успехом я

могла бы еще раз покинуть Общество Душ и даже сбежать в Уэко Мундо, если бы мне пришлось остаться вашей женой до конца своих дней.

— Йоруичи-сама!.. Этот медовый месяц, о котором вы говорите… прошу, позвольте мне сопровождать вас во время вашего побега!..

Сой-Фон говорила с таким серьезным выражением лица, что Йоруичи, чуть прищурясь, вздохнула с улыбкой:

— Сой-Фон, ты… когда дело касается меня, ты действительно слетаешь с катушек.

— *гасп! * Спасибо!

— Ты принимаешь это, как комплимент? То есть это удивительно, что вопреки ожиданиям, эти парни из Карательного подразделения не теряют бдительность и по-прежнему сохраняют невозмутимость даже после того, как сейчас увидели все это… или, может, лучше сказать, что они хорошо натренированы.

— *гасп! * Спасибо!

Несмотря на удивление, вызванное поведением Сой-Фон, которая теперь напоминала игрушку-повторюшку, пришедшую на смену невозмутимому совершенству роботехники, Йоруичи обратилась к Токинаде во второй раз.

— Так или иначе, похоже, я тоже являюсь целью наемников. Это несколько пугающая перспектива, так что я подумала, что неплохо бы, если бы Сой-Фон защищала нас обоих. Ты не против?

После этих слов бывшей главы Шихоин Токинада какое-то время хранил молчание, но вскоре он горько улыбнулся и тяжело вздохнул.

— Шихоин Йоруичи, которая не носит занпакто, примет защиту от 9-го поколения семьи Фон, специализирующейся на рукопашном бою? Ну-ну, кажется, вам довелось услышать о способностях моего занпакто от Кёраку. Вот так болтун.

— Как грубо. У меня есть обычный занпакто. Только в моем случае я сильнее, когда сражаюсь только с помощью тайдзюцу. У меня уже вошло в привычку успокаивать свой меч, который вечно на меня дуется.

«Ежедневные успокоения… от Йоруичи-сама?..

Развив в своем воображение историю дальше, Сой-Фон испытала сильное чувство зависти по отношению к занпакто Йоруичи, но несмотря на это, она решила не высказывать это вслух, сохраняя бдительность по отношению к Токинаде.

Для обеспечения защиты аристократа Тсунаяширо все члены Карательного подразделения, включая Сой-Фон, которая с большой ловкостью переключалась между двумя гранями своей личности, как будто ее сознание было разделено на две отдельные части, стабилизировали свое реацу, теперь напоминающую поверхность спокойного водоема,

Выйдя из своей задумчивости, Токинада решил принять предложение другой стороны, сверкнув особенно противной улыбочкой:

— Очень хорошо. Если это так, то я оставлю вас в качестве своей охраны. Я и сам чувствовал себя довольно неловко в конце концов.

— Неловко, говорите?

— Да, в последнее время эти убийцы совершили множество нападений на мою персону. Моего телохранителя Хиконе сейчас нет поблизости. В те дни, когда я выхожу на улицу в отсутствие такого защитного механизма, я…

В следующее мгновение звук взрыва разорвал тишину, огромная дыра появилась на потолке.

— ?!

Из прорыва показалась группа мужчин и женщины, чьи лица были скрыты, на их теле не было ни одного оголенного участка кожи. Не глазея по сторонам, они бросились к тому месту, где стоял Токинада, каждый из них сжимал в руке по занпакто, приведенному в состояние шикая.

«Наемники?! Быть не может, они на самом деле существуют? Нет, они подчиненные Тсунаяширо?!»

Несмотря на то, сейчас невозможно было понять, какая из этих двух версий является правдой, у них сейчас не осталось иного выбора, кроме как внимательно следить за Токинадой и в то же время охранять его.

К такому принятому на месте решению пришла Сой-Фон и сразу же вернулась к своему обычному образу. Она отдала минимум приказов Карательному подразделению, находящимся под ее командованием.

— На позиции, к бою!

— Боже мой, как страшно. Наемники могут быть по-настоящему жуткими. В этом случае, я полагаю, у меня тоже нет другого выбора, кроме как отпустить барьер социального статуса и вступить в битву, рука об руку с менее благородным дворянином.

Словно насмехаясь над Сой-Фон, Токинада одарил присутствующих широкой улыбкой и потянулся к занпакто, закрепленному у него на талии.

— Чти, Кутен Кьёкоку.

И, таким образом, рядом с самым сердцем Сейрейтея, поднялся занавес трагедии, сценарий для которой писался аристократами. Как будто это была прелюдия перед самым настоящим хаосом.

Месяц пролетел мимо, через месяц после того, как Тоусен Канаме поклялся в верности Айзену Соске. В начале у Тоусена были свои сомнения. На самом деле он был довольно враждебен к Айзену. В конце концов, Айзен был шинигами, точно так же как Цунаяширо Токинада. Тоусен подумал, что у Айзена тоже должен быть какой-то скрытый мотив подружиться с ним, и рано или поздно Айзен сокрушит его нетронутую сущность. Скорее Тоусен боялся верить кому - либо. Но эти мысли вскоре исчезли. Для Тоусена Айзен чувствовал себя монархом. Теперь он смело мог так сказать, так как его сомнения отсутствовали. Тогда Айзен сказал ему:

«Если ты так чувствуешь, то лучше отбросить тех, кто заставляет тебя чувствовать такие

эмоции».

Личность Айзена Соске была достаточно неуступчивой , чтобы Тоусен стыдился своих сомнений. Чем больше он узнавал Айзена, тем больше понимал, что Айзен единственный в своем роде. Он был уже далеко за пределами шинигами. С этим осознанием исчезли первые объятия враждебности. Первоначально, Тоусен держал сомнения в своем сердце, думая что он вероятно всего лишь пешка, но эти мысли также исчезли.

Для этого человека по имени Айзен Соске талант пришел естественно. В этой ситуации у Айзена не было причин раскрывать силы Кьёка Суйгецу после его спасения. Кроме того, Айзен не получил никакой выгоды от спасения такой жертвы, как он. Своим непреклонным способом Айзен парировал сомнения Тоусена и сказал ему:

«Если вы думаете, что я намереваюсь поиграть с вашими эмоциями, то убивайте если нужно, но не говорите слов которых нет в вашем сердце, вы, который боится больше всех».

- «Нельзя позволять мести исчезать, не делая с этим ничего».

- «Доверить этот мир в руки шинигами, отвести взгляд от цепи жертв, которые продолжаются вечно, что на мой взгляд порок».

- «Даже если мне все откажут, я не изменю свое мнение».

- «Если ты все еще хочешь осудить меня, продолжай полировать свой клинок под моим присмотром, чтобы однажды он достиг меня».

Услышав эти слова, Тоусен спросил Айзена:

«Почему вы хотите помочь кому-то, кто однажды станет вашим врагом? Почему вы хотите, чтобы этот человек был рядом с вами?»

Айзен сказал ему:

«Вы человек, который знает отчаяние и в то же время, вы знаете вкус страха. У меня нет страха. Вот почему вам нужно осветить мой путь».

Для Айзена Соске добро и зло были одинаково незначительны. Для того, кто станет краеугольным камнем пути Айзена, этот человек увидит Айзена как спасителя. Тем, кто дорожит миром, они увидят Айзена как зло. На пути Айзен не было застоя. И именно поэтому ему не нужно было думать, что хорошо, а что зло.

«Это ваш собственный жизненный путь, который принимает форму вашей личной«

справедливости ». Даже убийство оправдано, если оно происходит из-за того, во что вы твердо верите».

Айзен описал «справедливость» как «Нечто, что нельзя оценить по двойственности того, что мы называем правильным и неправильным».

Тоусен понял это чувство и больше не сомневался в Айзене. Но было бы ложью, если бы Тоусен сказал, что все его раны исчезли. Просто его сомнения в отношении Айзена исчезли. Он был человеком без амбиций; он был кем-то, кого большинство людей легко миновало бы. Айзен это понимает, но он хочет чтобы я открыл ему путь.

-Так как насчет меня? Есть ли оправдание в поисках справедливости для себя? Это справедливая причина?

Это был не тот случай, когда Тоусен Канаме использовал такого сильного человека, как Айзен, чтобы отомстить. Эта идея будет означать, что он отклонился от своего пути.

«Я пока не понимаю ... Кажется, я не могу решить ...»

Тоусен говорил о своем страхе перед Айзеном.

«Я ненавижу шинигами. Я ненавижу мир, который так жесток по отношению к людям. Но разве я ужасный человек, потому что я думаю о таких вещах? Погруженный в свои обиды, оправданно ли осуждать весь мир вместе с моей личной ненавистью?»

«Это не тебе и не мне судить».

Айзен не отрицал и не подтверждал страх Тоусена.

«Потому что весь этот мир основан на пьедестале греха».

«Грех?»

«Но, как когда-то хотел прародитель квинси, миру было бы бесполезно возвращаться к тому, чем он был вначале. Очень важно, чтобы люди не потеряли своего значения как« личность ». Поэтому я стану стержнем этого мира, символом всех грехов, совершенных шинигами. Рейо(Король Душ), который также является жертвой, должен упасть с небес ".

Глаза Тоусена расширились. Айзен упомянул «жертвенного» Короля Духов.

«Что ты сказал? Король шинигами - это жертва?»

Айзен не ответил напрямую на вопрос Тоусена. Вместо ответа он задал Тоусену еще один вопрос.

"Вы когда-нибудь слышали о термине" подчинители "?"

«Нет, извините, я из Руконгаи, так что ...»

«Вам не нужно извиняться, я был тем кто вернул болезненные воспоминания. В любом случае, даже в Сообществе Душ очень мало людей, которые знают об их существовании».

Айзен прищурился.

«Потому что информация держится в секрете Цунаяширо Токинадой».

Хотя Айзен объяснил механизм рождения и способности Подчинителя, Тоусен не понимал, как это связано с грехом Сообщества Душ. Айзен сказал ему, что для Тоусена вполне естественно смущаться. Затем он спросил Тоусена,

«Почему вы думаете, что полость так сильно пострадала бы от пустого , даже если он находился внутри тела матери?»

Айзен некоторое время молчал, прежде чем продолжил говорить.

«Вы знаете, что я сбривал души жителей Руконгая, чтобы накормить мое неполное Хогьёку, верно?»

"Да. Как насчет этого?"

«Хотя это не удовлетворяло Хогьёку, оно показало очень сильную реакцию в ответ на душу, взятую у определенной девушки. Ее душа смешалась с Хогьёку и именно поэтому она стала как « основа ».

Чтобы достичь небесного престола, Айзен долгое время продолжал свои исследования Хогьёку. Он накормил его сотнями душ, но Хогьёку не показал никаких признаков завершения. Вот почему Айзен хотел, чтобы другой Хогбёку, созданный Урахарой Киске, был добавлен к своему.

«Существование« сердцевины »было обнаружено случайно в ходе моего исследования. Девушка потеряла большую часть своей души, но все же она стала шинигами, обладающей всеми способностями шинигами. Она даже жила, спасибо существованию "гвоздя ". Она осталась совершенно неизменной ".

"Что это значит?"

Спросил Тоусен. Айзен затем выплюнул ответ, который был совершенно неожиданным.

«Давным-давно предки шинигами запечатали тело Рейо».

И таким образом, Тоусен Канаме услышал полную историю, правду о происхождении трех миров, включая Сообщество Душ и Уэко Мундо. К тому времени, когда Айзен закончил рассказ, Тоусен решил.

Этот мир должен быть изменен. Это «справедливость». Чтобы сделать то что «просто», я бы не отказался от своей жизни.

Перед Тоусеном Айзен вновь подтверждает свои прежние слова.

«Я готов довести это до конца. Я полон решимости заменить фундамент. Я не буду склонен к желаниям других, но буду стоять на небесах по собственной воле».

Затем он повернулся к Тоусену и сказал:

«Я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы были моим самым большим сторонником. В знак моей благодарности я предоставлю вам все, что вы пожелаете».

Тоусен вспомнил небольшой холм, с которого можно было увидеть звезды. «Я не против увидеть мир Айзена» эта мысль также приходила ему в голову.

Айзену тоже стало интересно, чего желает Тоусен, он с интересом наблюдал за Тоусеном, ожидая услышать слова другого. После легкого молчания Тоусен открыл рот.

"Мое желание ..."

http://tl.rulate.ru/book/86976/2880081